

С.А. Королевич

УО «Брестский государственный университет им. А.С. Пушкина»,
Брест, Республика Беларусь

ТЕКСТЫ ДРЕВНИХ ПАРЕМИЙ КАК ИСТОЧНИК ИЗУЧЕНИЯ ГРАММАТИЧЕСКИХ ИЗМЕНЕНИЙ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Паремии выступают отражением коллективной памяти и вместе с тем являются продуктом исторического развития языкового социума. Об этом свидетельствует как их план содержания, так и план выражения. В плане содержания текст паремии – это сложное устройство, хранящее многообразные культурные коды, информацию о системе ценностных ориентаций нации, об образе жизни и мышлении языковой личности и общества в целом, о менталитете народа на достаточно продолжительном временном отрезке. Содержание пословичного текста изначально могло быть исторически конкретным, но, отвлекаясь от породившего их события или человека, пословицы и поговорки обретали образный смысл, существующий вне конкретного времени.

Поскольку в паремии, как отмечает профессор В.В. Колесов, важнее всего именно смысл, то и в плане выражения пословиц и поговорок для его сохранения с течением времени могут происходить самые разные упрощения [1, с. 18–20]. Это, прежде всего, сокращение, сжатие, обобщение пословичного текста, ведущее к концентрации смысла опущенных слов в словах оставшихся. Вместе с тем, это и замена устаревших слов новыми лексемами, обеспечивающими воспроизведение образного смысла в новом социуме. Наконец, на каждом историческом этапе также происходит обновление грамматических форм в соответствии с эволюцией грамматического строя.

Однако существуют сборники старинных пословиц и поговорок, фиксирующие тексты паремий в той языковой форме, которая соотносилась с предшествующими периодами языкового развития. Они представляют особую ценность для исторической грамматики русского языка. Ведь в этом случае в тексте древних пословиц сохраняются многочисленные архаичные грамматические формы, показательные для изучения эволюции разных частей речи в целом и их грамматических категорий и средств выражения в частности.

В свете сказанного несомненный интерес для истории русского языка представляют тексты паремий, включенные в самый ранний сборник русских пословиц «Повести или пословицы всенароднейшыя по алфавиту» (XVII в.). Названные тексты издавались в конце XIX века П.К. Симони, а в наше время были опубликованы профессором В.В. Колесовым в книге «Мудрое слово Древней Руси (XI–XVII вв.)» [1]. Подготовленное авторитетным специалистом в области истории русского языка, это издание включает

тексты паремий, которые содержат многочисленные и выразительные архаичные грамматические формы.

Рассмотрим, какая языковая информация пословичных текстов может быть востребована при изучении истории именных частей речи в курсе «Историческая грамматика русского языка».

Центральное место при изучении истории имени существительного отводится вопросу о перестройке системы именного склонения. В древнерусском языке XI века эта система носила традиционный, архаический характер, так как была унаследована восточными славянами через праславянский язык из индоевропейского, в котором типы склонения формировались по особым критериям – по сходству лексических значений и по совпадающим суффиксам в финали основы (**ǫ*, **jǫ*, **ā*, **jā*, **ī*, **ī̃*, **ī̄* и др.). Указанные суффиксы были своего рода сигналом общей семантики слов каждого типа, назывались *детерминативами* и выступали в роли классификатора типа склонения.

Однако в древнерусском языке значения суффиксов оказались забытыми, а сами суффиксы-детерминативы в большинстве случаев перестали выделяться из-за древнейших фонетических и словообразовательных процессов. Поэтому уже с XI века вырабатываются новые классификаторы склонения: родовая принадлежность имени существительного, его окончание в начальной форме и характер согласного в финали основы – и в единственном числе начинается перегруппировка типов именного склонения. Она продолжалась на протяжении нескольких столетий и, в некотором смысле, не завершена еще до сих пор, так как в современном русском языке существует группа разносклоняемых существительных, по сути состоящая из остатков старых склонений.

Тексты древних пословиц XVII века содержат интересный материал, иллюстрирующий складывание новой системы склонения имен существительных. Так, раньше всего стал формироваться новый I тип склонения на базе древнерусского продуктивного типа основ на **ǫ*, **jǫ*. К базовому типу из-за изначального совпадения родовой принадлежности, окончаний начальной формы и характера основ уже в XI веке присоединялись существительные из непродуктивного типа на **ī̃*, нередко принося свои окончания в новую падежную парадигму. Интересно, что пословичные тексты XVII века все еще сохраняют такие промежуточные формы в родительном падеже: *Девичей стыд до порогу, как переступила, так и забыла*; *Шила в меху не утаить*; *Желutki з дубу ленивому в губу* и др.

В новый I тип склонения влились и пережившие к XIII веку вторичное смягчение конечного полумягкого основы непродуктивные существительные мужского рода из типа на **ī̃* (*гость*), а также из склонения с бывшим детерминативом **en* (*камень*, *день*). Все авторы исторических грамматик русского языка подчеркивают, что в последнем случае переход слов типа *камень*, *день* в I склонение был опосредованным: сначала эти слова вливались в тип на **ī̃*, обретая промежуточные формы. При этом установлено, что древние имена консонантных основ могли оставаться в

склонении **ĭ*-основ еще и в XV–XVI вв. [2, с. 161], и пословичные тексты убедительно доказывают это, сравним: *День ото дни, а к смерти ближе; Есть сабака – ин камени нет; От доброво корени и отрасль добра*. Исконные флексии родительного падежа в этом склонении выглядели как **-е** (*дне, камене, корене*), а современные – **-я** (*дня, камня, корня*).

Необычайно подробно тексты пословиц иллюстрируют историю адаптации в новой системе именного склонения существительных бывшего консонантного типа с детерминативом **ent*, исконно включающего номинации «детенышей» животных.

Переходу указанных существительных в базовый тип на **ǫ, *jǫ* препятствовала флексия **-я** в начальной форме, потому что имена среднего рода продуктивного типа оканчивались на **-о**, **-е**. По этой причине существительные, называющие «детенышей», достаточно долго не находили места в новой системе и функционировали в поговорках с исконным окончанием: *Теля умерло – хлева прибыло; Худое поросля и в Петров пост озябло; Малая собака и под старость щеня*. Вместе с тем пословицы XVII века представляют варианты названных существительных, в структуре которых фиксируются словообразовательные средства, иллюстрирующие поиск способов адаптации этих слов к новой системе, сравним: *Ласково телетко две матки сосет, а лихое и одну запустит*. (Такие варианты известны восточнославянским диалектам и некоторым славянским языкам, например словенскому). Конечным же результатом грамматической адаптации существительных типа *теля* к склонению на **ǫ, *jǫ* стало, как известно, закрепление в их структуре суффикса *-енок*, и тексты пословиц позволяют констатировать, что этот суффикс в XVII веке уже известен: *Не родитца от свиней бобрионик, всегда поросионик*.

Позже других нашли свое место в новой системе именного склонения имена существительные женского рода, следовательно, пословичные тексты эксплицируют исконные формы **ter*-основ не случайно: *Не сохни, мати, по чужем дитяти; Тки, дочи, не суючи: жених идет по улице*.

Во множественном числе для существительных всех древних типов склонения сформировалась единая парадигма. Унификация падежных форм оказалась весьма длительным процессом, и в текстах древних пословиц XVII века сохраняется немало архаичных, исконно существовавших форм. Например, в поговорках: *Беды ходят по людем, а не по лесу; Не всем чернцом в ыгумнах быть; Рано татаром на Русь идти* – выступают старые формы дательного падежа основ на **ǫ, *jǫ*. Пословичные тексты: *Серьдит з горшки не ездит; Кос очми, крив речми; Ушми слушай, усты кушай, а очам дуракам воли не давай* – свидетельствуют о незавершенной унификации форм творительного падежа. Отмечены единичные тексты со старыми формами предложного падежа: *Царю служат, о домех не тужат*.

О несомненной ценности текстов древних пословиц как источника изучения грамматических изменений убедительно говорит то обстоятельство, что в них находят отражение почти все процессы, пережитые именем существительным в его развитии. Так, например, продолжительный процесс

становления общих флексий твердого и мягкого вариантов склонения на **ā*, **jā* обусловил случай смешения флексий в паремии *За морям карова по деньги, да провоз дорог* (исконно в окончании был **ѣ** («ять»)), изменившийся в **е** (*по деньге*). Для одушевленных существительных в паремийных текстах исследуемого сборника фиксируются интересные случаи использования винительного падежа, равного именительному, подтверждающие существующую в истории русского языка мысль о позднем становлении категории одушевленности для существительных, называющих животных, птиц, насекомых: *Знать сокол по полету; Осердяся на блохи да одеяло в печь; Тать у татя перекрал утятя*. В пословицах также сохраняются следы двойственного числа, хотя утрата его приходится на более раннее время, главным образом, на XIV–XV вв.: *Воробей сидит на тыне, надеется на крыле; Храброму смерть пред очима*.

Однако в большинстве случаев двойственное число заменилось множественным, и это находит последовательное отражение в исследуемом материале, например, в использовании форм родительного падежа: *Без клинья кафтан, без рукав епанча; Бодливой корове бог рог не дает*. Вместе с тем примечательно, что здесь представлены исконные формы родительного падежа, не подвергшиеся влиянию **й*-основ (сравним: *без рукавов, не дает рогов*). Между тем такое влияние имело место уже с начала письменности, так как служило разграничению омонимичных форм родительного падежа множественного числа и начальных форм существительных. В двойственном числе, однако, омонимия изначально отсутствовала. Именно поэтому, вероятно, и сейчас для многих существительных, называющих парные предметы, флексия **-ов** в родительном падеже не характерна.

Не менее разнообразно в текстах изучаемых пословиц представлен материал по истории имени прилагательного. В частности, во многих пословицах сохраняются отчетливые следы именного склонения кратких прилагательных, представленного почти всеми формами падежной парадигмы единственного числа: *От искры сыр бор загорается; Гнило слово от гнила сердца; Бешену мужу и море за лужу; Беды терпеть – каменно сердце иметь, Искра мала велик родит пламень* и др. В современном же русском языке краткие прилагательные уже не склоняются, так как из-за исчезновения древней адъективной категории определенности-неопределенности признака в XIII веке они утратили исконную атрибутивную функцию, изначально присущую им для выражения признака неопределенного предмета.

Тексты паремий фиксируют также архаичные формы кратких прилагательных именительного падежа мужского рода во множественном числе, позднее унифицированные по образцу женского рода: *Люди худы богу не блюдутся; Волки бы сыти, а овцы бы целы, За правая слова умирают мнози* и нек. др.

Еще богаче представлена в пословичных текстах история полных прилагательных. Здесь отчетливо прослеживаются не только грамматические изменения, но и фонетические преобразования, их сопровождающие. Одно из

архаичных образований, наиболее часто выступающих в парадигме полных прилагательных, которые зафиксированы в пословичных текстах, – это формы мужского рода ед. числа с флексиями **-ой**, **-ей**, возникшими на месте редуцированных **-ьи**, **-ии**: *В тихой воде вир (омут) великой; Новой веник чисто метет; Один волк гоняет овечей полк; Вешней лёд обманчив, а новой друг ненадежен; Голодной, что бешеной: рвет да теребит.* Указанные флексии существовали в истории русского языка достаточно долго и спорадически отмечаются даже у А.С. Пушкина. Однако в современном русском языке они сохранились лишь под ударением. Безударные флексии в XIX в. последовательно заменились в русском языке книжно-славянскими окончаниями **-ый**, **-ий**, однако пословицы из более раннего сборника содержат промежуточные архаичные варианты написания.

Разностороннее отражение в пословичных текстах находит история полных прилагательных в форме родительного падежа единственного числа. Известно, что каждая из падежных форм полных прилагательных представляла собой членную структуру, объединяющую (краткие) именные прилагательные и указательные местоимения **и, е, я** (**и, ѣ, ја**). На стыке объединяемых форм происходили фонетические преобразования разного рода (выпадение интервокального йота, уподобление и стяжение гласных и др.), поэтому полные прилагательные с начала письменности функционировали во множестве промежуточных вариантов, фиксирующих разные стадии названных изменений. В текстах пословиц XVII века тоже отмечены такие архаичные варианты. Например, формы родительного падежа для мужского рода – *Ждал **убогаго** телионка, а дал ему бог робионка; На **битаго** два небиты дают; для женского рода – *От **худые** птицы худые и песни; Есть в нем **серые** овчины клок; **Покорные** головы и меч не сечет.**

Пословицы и поговорки принадлежат к фольклорным жанрам, то есть обычно имеют устную форму бытования. Письменная же фиксация древних паремий показывает в этом случае исторически складывающиеся особенности произношения адъективных форм: *Алчешь **чюжово** – потеряешь свое; Кто **кислов** яблока не грызет, у тово оскоми́на не живет; **Глу́пова** и в олtare бьют; Вешней путь не дорога, а **пьянова** речь не беседа.* Такие примеры особенно ценны, потому что они представляют грамматические формы, которые впоследствии на письме не сохранились.

Обращает, кстати, на себя внимание тот факт, что в пословичных текстах отсутствуют формы полных прилагательных женского рода, имеющие в родительном падеже флексию **-ья** книжно-славянского происхождения (не случайно позже эта флексия была рекомендована М.В. Ломоносовым лишь для высокого стиля).

В исследуемых текстах находит отражение и процесс унификации форм множественного числа полных прилагательных. Здесь отмечены как формы, сохраняющие исконные родовые различия (*За **правая** слова умирают мнози*), так и обновленные, унифицированные формы (*Все то **красные** девицы изошьют, а **добрые*** (исконно: **добрии**) *молодцы износят*).

Тексты древних пословиц могут быть широко востребованы и при изучении истории *местоимений*, а также становления *имени числительного*. В них фиксируются грамматические формы названных частей речи, отражающие разные этапы их исторического развития. Так, из местоименных форм обращает на себя внимание форма множественного числа 3-го лица *оне* (← *онѣ*): *Мрут люди не по старости, а живут оне не по младости*. Исследователи характеризуют эту форму как древнерусское диалектное образование, которое возникло по аналогии с местоимениями *те* (← *тѣ*), *все* (← *вьсѣ*) [3, с. 258]. В XVIII веке она проникла в русский литературный язык и закрепились за женским родом, но пословичный текст примечателен тем, что фиксирует эту форму без указания на родовую дифференциацию.

Интересно использование формы творительного падежа отрицательного местоимения *не с ким*: *Велик местом, а говорить не с ким*, которая представляет собой новообразование (исконная форма: *цѣмь*), возникшее по аналогии с исконной формой мягкого варианта *чим* (сравним: *Кот с свиным побежал прочь – с чим нам капуста варить?*). Эти формы имели промежуточный характер, так как исследователи исторической грамматики отмечают, что с XVI века установилась форма *кем*, по образцу которой в соответствии с твердым вариантом была образована новая форма местоимения мягкого варианта – *чем* [4, с. 169]. Кстати, в белорусском языке обе эти формы сохранились как нормативные.

Русские пословицы XVII века, кроме этого, зафиксировали такие исконные формы местоимений, как *собе, всяк, коя* (*Сова о сове, а всяк о себе; Знает и дед, в кою пору обед*), а также ряд архаичных числительных в разных формах: *У одное овечки да седм пастухов; Весь мир неправдою живет, а нам однем не треснуть стать; Азов не о сте глазов, а Крым не крив* и др., для которых уместен исторический комментарий.

Как видим, тексты пословиц и поговорок, представленные в сборнике XVII века, содержат множество интересных архаичных грамматических форм – как исконных, ныне утраченных, так и промежуточных, существующих на определенных синхронных срезах языкового развития. Ритмичность, лаконичность и яркая образность этих текстов способствует их запоминанию, облегчая усвоение исторических сведений о грамматических изменениях в русской языковой системе.

Литература:

1. Мудрое слово Древней Руси (XI–XVII вв.) : сборник / Сост., вступ. ст. В.В. Колесов. – М. : Сов. Россия, 1989. – 464 с.
2. Колесов, В.В. Историческая грамматика русского языка : Учебник для высш. учебных заведений – СПб. : Факультет филологии и искусств СПбГУ, 2008. – 512 с.
3. Горшкова, К.В. Историческая грамматика русского языка / К.В. Горшкова, Г.А. Хабургаев : Учеб пособие для ун-тов. – М. : Высшая школа, 1981. – 359 с.
4. Янович Е.И. Историческая грамматика русского языка / Е.И. Янович : Учеб пособие для филол. фак. вузов. – Минск : Университетское, 1986. – 319 с.